

С ВЕРХУ сыпалась снежная крупа, царапала лица редких в предвечерний час прохожих, белела тротуары и дороги. Стояла поздняя осень, когда снег уже лег на землю, а зима еще не наступила. Во дворе было до удивления тихо — еще не прозвучал в соседней школе звонок, и только замороженные простыни раскачивались под порывами ветра. Маленькая женщина снимала эти бремели и ломались в ее руках, как какой-то тонкий, фантастический металл. Быстро темнело, но окна в многоэтажных домах еще не зажглись, по-видимому, хозяйка не спешила домой. В эти предпраздничные дни в каждом цехе, на каждом участке много хлопот. А на улице Обнорского в Новокузнецке и живут в основном рабочие люди: анодчики, электролизники, горновы, слесари, плотники, одним словом, мастеровые, как именовали во времена Виктора Павловича Обнорского фабрично-заводских рабочих.

На освещенный пятачок у Дома пионеров высыпала шумная ватага мальчишек. Секунда — и уже брошены в кучу портфели, один в цепкой позе стоит на «воротах», остальные в спешном порядке ищут подходящую «шайбу». Неожиданно ярко вспыхнули праздничные огни, засияли красным, синим, зеленым светом рекламы. Мальчишки бросили игру и заорали от восторга. А из пионерского дома выскокил маленький, востроносый пацаненок и пропел что-то лихое на своем начищенном до блеска горне. Очевидно, это был своеобразный гимн идущему празднику, сыпавшемуся из поднебесья снегу, друзьям, одним словом, гимн его безоблачному мальчишескому счастью...

БЕЗ МАЛОГО сто лет назад такой же мальчишка пришел наниматься в Вологодские железнодорожные мастерские. Мутно было на душе у Виктора Обнорского. С тойской он вспоминал отцовскую мечту: направить своего последыша по ученой линии, чтобы тот на инженера ил на доктора выучился. Уж больно смысленным рос Витя. Но вот отец умер, с трудом закончено уездное училище, а мечта о гимназии рассеялась, как туман. Старшие братья пошли по свету искать свою долю, оставив на попечение Виктору старую мать. Надев клеенчатый фартук и подвязав, как все мастеровые, тесьмой белокурые волосы, Витя взял в

руки слесарный инструмент. Впоследствии в Лондоне и Женеве, в полиции и в Петербургском военном окружном суде видный рабочий-революционер, известный не только у себя в России, один из основателей «Северного союза русских рабочих» с гордостью говорил о своей профессиональной принадлежности:

— Я слесарь. Металлист. В Новокузнецке еще живы люди, которые помнят, как недалеко от базарной

жизнь вот этих, копошащихся в придорожной пыли карапузов должна быть куда светлее и радостней той, какую прожил он, Виктор Обнорский.

И несмотря на его видимую строгость и неукротимость, со всей Крепостной горы старухи, кухарки и бедные мещанки несли в деревянный двухэтажный дом, где он открыл механическую мастерскую, всякие кастрюли, самовары, примуса, которые бывший ка-

значе, убежит — он отличный гимнаст, прыгает из окон и через заборы, как белка».

Шпики не могли забыть собственного головоулыства, когда весной семьдесят шестого года упустили Обнорского прямо из-под носа. Виктор Павлович уже три года скрывался от преследований властей, польховался подложными паспортами, долго на одном месте не засиживался. Из Петербурга уехал в Москву, затем в Одессу, работал на одесских заводах и вел пропаганду среди южных рабочих. Когда в Одессе стало сжиматься кольцо, эмигрировал в Женеву. А весной семьдесят шестого не выдержал, вернулся в Питер. В это время из тюрем стали освобождать рабочих-кружковцев, арестованных за «пропаганду в Империи». Город повеселел, и только молодой мастеровой вздохнул посвободнее, как на его квартиру нагрянула полиция. Обнорский еле ушел. Выпрыгнул из окна. Благо, под окном был сарай, он и угодил на его крышу. А уже с крыши прыгнул в обледенелый сугроб.

ПЕРВАЯ шумная встреча после освобождения рабочих из тюрем была у студента Георгия Плеханова. Говорили все тогда много и бестолково — чувствовалося общее волнение.

Потихоньку стала налаживаться жизнь в рабочих кружках. Студенты все так же читали лекции, но относились теперь к мастерам гораздо уважительнее. В эти кружки собирался цвет рабочего Питера, число революционно настроенных мастеровых быстро росло. Обнорский даже через многие годы, пройдя каторгу и ссылку, не мог без волнения вспомнить, какие это были люди! Народников он не признавал, считал, что те воду мутят и мешают зарождающемуся рабочему движению. По воспоминаниям Г. В. Плеханова, неодобрительно отзывался о народниках и Степан Халтурин, в скором будущем соратник Обнорского.

— Чистая беда, — восклицал Халтурин. — Только только наладятся у нас дела — хлоп! Шарахнула какогонибудь бомбой интеллигенция, и опять провалы. Хотя немного бы дали нам укреститься! (Степан Халтурин еще не мог предполагать, что через несколько лет станет на путь террора).

Обнорский, познакомившись ближе с Халтуриным, сразу попал под его обаяние, поражаемый его организаторскому таланту и авторитету среди рабочих.

— Вот готовый руково-

дитель организации, — размышлял Обнорский. Эти два титана оказались единомышленниками. Созданный ими «Северный союз русских рабочих» не был марксистской организацией, но роль, какую он сыграл, велика. Его кратковременная деятельность имела большое значение для дальнейшего развития революционного движения в России. Союз воспитывал передовые кадры рабочего класса, подготавливал участников пролетарской борьбы. Говоря о вождях рабочего движения семидесятых годов, В. И. Ленин подчеркивал: «Его передовики уже тогда показали себя как великие деятели рабочей демократии...».

А пока Обнорский вновь едет за границу, изучает рабочее движение на Западе, а Халтурин ведет работу среди мастеровых.

В РОССИИ снова шли аресты. Хватали участников Казанской демонстрации, которые имели смелость публично потить память Чернышевского и всех передовых людей России, томившихся в тюрьмах и на рудниках.

— У нас такое затевается, — встретил Степан Халтурин своего соратника, когда Обнорский вернулся из-за границы. — Похлебе Казанской сходим. Хорошим товарищем, погибшим в результате взрыва на Патронном заводе...

Плеханов протянул Обнорскому листовку, выпущенную рабочими с Патронного. Прокламация была написана ярко и задела за живое.

Хоронили рабочих в трескучий мороз. У свежих могил в боевой готовности уже стояли жандармы. Увидев их, рабочие сначала растерялись, но после первых же слов оратора и приказов «разойтись» плотным кольцом окружили непростых гостей и не выпустили до конца митинга. Некоторых, особо ретивых служаков, изрядно помяли.

— Душу-то отвели, — сказал в конце Обнорский, — только это мало напоминает манифестацию.

— Будут и манифестации, дай время, — возразил Халтурин.

Рабочие начали о себе заявлять. Чувствовалося ядро организации. Программу «Северного союза русских рабочих» писали Обнорский с Халтуриным вместе. Вернее, писал Виктор Павлович, но Степан соглашался далеко не со всеми его формулировками и часто настаивал на своих. Если вдвоем спор затягивался, Халтурин призывал мастеровых, решали большинством голосов. Зато такие пункты, где говорилось об

уничтожении существующего строя, свободе слова и печати, отмене детского труда и сокращении рабочего дня, обязательном и бесплатном обучении, принимались Степаном и его сторонниками восторженно. Выработав программу Союза, Халтурин уехал агитировать в Поволжье, Обнорский — в Москву. Нужен был печатный станок, шрифт, своя типография. И Виктор Павлович вновь едет за границу.

Никогда еще Обнорский не был так счастлив. Мечты о рабочей организации приобретали вполне конкретные очертания. Вернулся он из-за границы ошеломленный Лондоном и парижской машинной выставкой, с ворохом новостей. Никогда еще жизнь не казалась ему столь разумной и прекрасной...

Провала он не ожидал. Двадцати восьми лет Виктор Павлович Обнорский был отправлен на каторгу.

КОГДА грянула Октябрьская революция в Кузнецке, с угрюмым одиноком Обнорским сделалось что-то невероятное. Он плакал от радости и не стеснялся своих слез. Старый каторжник как-то сразу помолодел, будто скинул тяжкий груз годов. Он ходил на все собрания, каких было много в то время, выступал, горячо радовался всем благам, какие несла революция рабочим.

— И мы не праздны в мире жили, — любил повторять взволнованный Обнорский. Весть о колчаковском перевороте свалила Виктора Павловича в постель, и больше он не поднимался. Не дождался прихода Красной Армии...

По улице Обнорского идут сегодня демонстранты. Тысячи и тысячи красивых, нарядных людей, гордых своим трудом, своими успехами. А через железнодорожную станцию имени Обнорского мчатся составы, груженные углем и металлом. И невозможно забыть пророческие слова немецкого рабочего Рихтера, адресованные Обнорскому: «Разве путь, на который вы вступили в расцвете сил, не является тем узлом, где чаяния отцов и надежды детей переплетаются и завязываются в один неразрывный пучок? Разве мысль чувствующего человека не гонится к тем годам, в которых вы проявили мужество борца? Разве человеку, потрудившемуся в меру своих сил, а временами и выше всяких сил на поприще блага общественного, не обеспечена прочная и благородная память?».

Л. АНАНЬЕВА,
наш спец. корр.

БОРЦЫ ЗА ВЕЛИКОЕ ДЕЛО

«И МЫ НЕ ПРАЗДНО В МИРЕ ЖИЛИ...»

Новокузнецк
и страницы биографии
Виктора Обнорского

площади, не спеша, гулял рослый, плечистый старик, с густой, почти белой бородой. Высокий крутой лоб с лысеющими висками, внимательный и даже проницательный взгляд красивых серо-голубых глаз выдавал большую внутреннюю силу. Это был Виктор Обнорский. Отсидев полтора года в одиночке Петропавловской крепости, в июне 1880 года Петербургским военно-окружным судом он был приговорен к десяти годам каторжных работ в крепостях. Позднее срок был сокращен на одну треть. Отбыв каторгу на реке Каре, Обнорский работал на приисках в Восточной Сибири, а в 1909 году поселился в Кузнецке.

Старик был горд, молчалив и редко с кем открывал душу. Но он мог подолгу наблюдать за возней ребятшек в тихом Аптечном переулке или, раскрыв окна в своей мастерской, слушать их звонкие голоса. В такие минуты его большие строгие глаза теплели, а лицо с глубокими бороздами морщин становилось добрее и мягче. Он, наверное, думал о том, что

торжанин паял, клепал за баснословную малую плату. Чинил он всевозможные ружья и часы, был виртуозным работником и не умел сидеть сложа руки. Сначала нелюдимый, мучковатый каторжанин вызвал любопытство обывателей: он пытался создать какое-то кооперативное общество кустарей для борьбы с купцами, но потерпел в этом предприятии крах. По вечерам наверху долго не гас свет, и любопытные подозревали, что он ведет какие-то опасные разговоры. В Кузнецке к нему привыкли, как привыкают ко всему на свете, но он всегда здесь выглядел белой вороной. И мало кто знал, что это и есть тот самый Виктор Павлович Обнорский, которого шесть лет не могла изловить царская охранка. И если бы не предательство, кто знает, был бы еще прицельно застрелен по следу Обнорского. Это о нем предупреждали арестанты: «На случай ареста Обнорского агент просит сообщить, что личность эта требует особой заботности и строгого обращения».